

Эта улыбка окончательно сбила Гу Цина с толку. С самого утра — и такое?

«Не надейся, что твоя смазливая мордашка — универсальное извинение!» — пронеслось в голове.

Он попытался отстраниться, но Мэй Цзибай, не выпуская его запястья, мягко потянул на себя. Гу Цин, потеряв равновесие, ткнулся носом прямо в широкую грудь.

— Ты что творишь?! — возмутился он, потирая ушибленный нос.

Мэй Цзибай приобнял его за талию и, словно успокаивая взъерошенного кота, пригладил волосы на затылке. В его обычно холодном голосе слышались тёплые нотки:

— Раз уж проснулся, пора завтракать. Поешь, а потом можешь спать дальше. На обед я попросил тётушку Лю приготовить что-нибудь из сычуаньской кухни. Она хоть и мастер кантонских блюд, но родом из тех краев, так что готовит по-настоящему аутентично. Пойдёт?

Такая перемена тона — непривычно мягкого, почти заискивающего — заставила Гу Цина насторожиться. Он помолчал, разминая нос, а затем поднял взгляд:

— Ладно, раз ты об этом заговорил, я тебя прощаю. Но смотри, запомни свои слова: больше не смей мешать мне спать по выходным.

— Договорились.

Гу Цин кивнул, его раздражение поутихло. Однако, окончательно придя в себя, он нахмурился:

— Ты вообще в курсе, что вышел из образа? Сначала изводишь меня по пустякам, а теперь вот так любезничаешь. Тебе не кажется это странным? Неужели тебя не бесит мой скверный характер или то, что я сейчас выгляжу как чучело с этим вороньим гнездом на голове?

— «Бесит» — это не то слово, — Мэй Цзибай убрал одну руку с его талии и принялся поправлять непослушную прядь. — Я просто заметил, что ты... довольно милый. Знаешь, даже если в будущем нас ждёт развод, иметь такого брата было бы неплохо.

Гу Цин вскинул брови и, ловко вывернувшись из объятий, соскочил с кровати. Он посмотрел на Мэй Цзибая сверху вниз, тот всё ещё сидел на краю. Вид у того был непривычно растрёпанный — рубашка измялась после их короткой возни, — но в глазах светилась неподдельная искра участия. Похоже, он и впрямь перестал видеть в нём лишь инструмент для семейного союза.

«Наверняка притворяется, — подумал Гу Цин, оглядываясь в поисках тапочек. — Мэй Цзибай не из тех, кто может искренне кем-то увлечься. Я явно не его типаж».

— Раньше я из кожи вон лез, чтобы ты меня заметил, — бросил он, наконец обнаружив обувь.
— А теперь, когда мне плевать, ты вдруг решил проявить интерес. Не кажется ироничным?

Мэй Цзибай невозмутимо разгладил складки на манжетах.

— Будь ты таким же очаровательным раньше, я бы не считал тебя пустым и шумным юнцом и уделил бы тебе должное внимание.

Голос его звучал ровно, но в нём не было привычного безразличия. Мэй Цзибай явно был в духе. Гу Цин мельком взглянул на него и, подавив зевок, направился в ванную.

Умывшись, он замер в дверях, скрестив руки на груди и оценивающе оглядывая Мэй Цзибая. Он двусмысленно усмехнулся:

— Что, господин Мэй, довольны моими переменами?

— Весьма, — Мэй Цзибай тоже улыбнулся и поднялся с места. — Переодевайся, я жду внизу.

Только когда дверь за ним закрылась, Гу Цин пришёл в движение. Он взял аккуратно сложенную одежду, оставленную на прикроватной тумбочке, с каким-то странным чувством. Что задумал этот человек? И впрямь решил поиграть в «братишек»?

«А что... это даже выгодно, — размышлял он, натягивая вещи. — Как любовник Мэй Цзибай — сущий кошмар, холодный и отстранённый, но к своей семье он относится безупречно. Если я стану для него "младшим братом", мне не придется бояться, что меня выкинут на улицу, когда я стану не нужен».

Он взглянул в зеркало, зачесывая волосы назад. Он невольно улыбнулся. А ведь Мэй Цзибай, по сути, сделал ему комплимент.

«Если бы я не был Юй Цзиньнянем... если бы мы встретились при других обстоятельствах, без всей этой лжи... смог бы он полюбить меня по-настоящему?»

Впрочем, мысли эти были мимолётны. Между ними — пропасть. Месть остаётся его главной целью, всё остальное — вторично. Даже если бы он действительно хотел замуж, он никогда не выбрал бы такого рафинированного аристократа с его маниакальной тягой к порядку. Терпеть это ради дела — одно, но жить так всю жизнь? Увольте.

Лучшее, на что он мог надеяться после завершения своей миссии — это развод и редкие, спокойные встречи на расстоянии.

Спустившись в столовую, Гу Цин первым делом извинился перед Лю Синь.

— Тётушка Лю, простите за утреннее ворчание. У меня тяжёлый характер после сна, — он виновато улыбнулся. — В следующий раз, если увидите, что я не в духе, просто оставьте меня наедине с собой на полчаса, я отойду.

Лю Синь, расставляя приборы, облегченно вздохнула:

— Слава богу. А я уж решила, что вы повздорили.

Гу Цин откусил кусочек золотистого яичного пельменя и кивнул в сторону сидящего напротив Мэй Цзибая.

— О чём вы, тётушка? Разве с вашим молодым господином можно поссориться? Он у нас человек широкой души, рассудительный. Не в его характере — на пустяки обижаться.

Лю Синь заметила, что Мэй Цзибай никак не возразил против такой фамильярности, и лишь покачала головой:

— Ну какой он «мой господин»? Вы теперь женаты, одна семья.

Услышав это, Гу Цин подпёр подбородок ладонью и с лукавством посмотрел на мужа:

— Тётушка Лю права, мы ведь одна семья. А значит, если я попрошу тебя после работы захватить торт из кондитерской «Сия», что напротив Здания корпорации Мэй... это ведь не будет чрезмерной просьбой?

— Могу и купить. Но разве тот, кто просит об одолжении, не должен быть чуть вежливее?

— Считаю, что я даю тебе шанс искупить утреннюю вину!

Лю Синь была поражена их диалогом. В Старом поместье семьи Мэй Гу Цин никогда не вёл себя так непринуждённо. Мэй Цзибай жестом дал понять, что всё в порядке. Он разглядывал Гу Цина — заспанного, с лёгкими тенями под глазами, но удивительно живого.

— Спасибо за такую щедрость, — отозвался он. — Кстати, этот цвет тебе очень идёт. Освежает.

На нём был тонкий джемпер кофейно-молочного оттенка, который идеально гармонировал с янтарным блеском глаз. Совершенное попадание.

Застигнутый врасплох похвалой, Гу Цин на мгновение замер. Он быстро допил соевое молоко и дернул плечом:

— Лесть не поможет. Твой авторитет спасет только настоящий торт, врученный лично.

Мэй Цзибай наблюдал, как юноша прячет взгляд. Под столом его пальцы непроизвольно сжались...

«Почему так похоже...» — пронеслось в голове.

Тот же жест, тот же смущенный блеск в глазах. Юй Цзиньнянь рос в атмосфере вечных подозрений и изоляции, его неумение принимать похвалу было объяснимо. Но Гу Цин? Он ведь всегда купался в роскоши и обожании. Почему он реагирует так, будто доброе слово для него — редкость? Неужели всё дело в том, что похвалил именно он?

Мэй Цзибай впервые поймал себя на мысли, что почти ничего не знает о человеке, с которым делит дом.

Когда Мэй Цзибай уехал, Гу Цин обсудил меню с Лю Синь. Он так тонко и со знанием дела хвалил её стряпню, что экономка расцвела на глазах. За годы службы в семье Мэй она достигла совершенства в кулинарии, и искренний интерес Гу Цина к тонкостям рецептов её окончательно покорил. Атмосфера в доме стала на удивление уютной: Кан Лиминь, обычно неразговорчивый и суровый, лишь молча одобрял происходящее, а Мао Ии и вовсе весело щебетала, подавая десерт.

После обеда на Гу Цина накатила сонливость. Он проспал до пяти вечера и проснулся от уведомления в телефоне. Дай Инь прислала фото!

На снимке был запечатлён Мэй Цзибай. Со спины. Но главное — фон...

Гу Цин усмехнулся. И впрямь сам пошёл покупать! Какой пассаж: великий президент Корпорации Мэй в очереди за сладостями. Кажется, он слишком легко пошел у него на поводу. Но раз уж момент запечатлен, грех им не воспользоваться.

Он уточнил у Дай Инь, можно ли выложить это на внутренний форум компании. Та, не скрывая азарта, разрешила, пообещав, что если Мэй Цзибай и узнает, она всё свалит на случайных прохожих.

«Похоже, не я один хочу посмотреть, как рухнет этот незыблемый образ идеального джентльмена», — подумал он.

Выложив пост, Гу Цин с удовольствием наблюдал, как под ним множатся комментарии.

«Ну что, господин Мэй, тяжело быть на вершине? Привыкайте — любой имидж создан лишь для того, чтобы однажды его разрушить».

Позже, вспомнив про Яна Сюя, он решил позвонить ему сам. Гу Цин устроился в кресле у окна, надел наушники и подставил лицо лучам заходящего солнца.

— Шэнь Боянь сказал, ты интересовался, куда я пропал, — лениво начал он. — Был занят, сам понимаешь. Как выдалась свободная минутка, сразу звоню.

— Да уж, представляю. Семья Мэй — те ещё снобы, небось завалили правилами и этикетом?

— Не то слово, тоска смертная. Кое-как выбил право жить отдельно, без надзора. Вдвоем оно как-то... сподручнее отношения налаживать.

— Погоди, ты же всегда сох по нему, а он тебя в упор не видел. Ты что, серьезно решил строить с ним семью? Никакой обиды не осталось?

— Отец приболел, да и тот случай в баре... В общем, я призадумался. Пора братья за ум и нести ответственность. Гулять больше не тянет, дел в Корпорации Гу по горло.

—... Ну, дело хозяйское. Я тебе всегда говорил, что пора взрослеть. Главное — про друзей не забывай.

Гу Цин саркастично усмехнулся, но голос его остался ровным:

— Само собой, старый друг лучше новых двух. Слушай, тут такое дело... Раз я решил ладить с Мэй Цзибаем, мне теперь приходится фильтровать речь. На людях — ни одного дурного слова, всё чинно-благородно. Иной раз так распирает, хоть кричи.

— Ха, я так и знал, что ты долго не выдержишь! Слышал я про ваше выступление на юбилее школы — та еще комедия. Наверняка тебя заставили изображать любовь. Если приспичит выговориться — звони в любое время, я всегда на связи.

Гу Цин вздохнул с притворной досадой:

— Ну не в три же часа ночи тебе звонить. Было бы какое-нибудь место в сети, где можно анонимно выпустить пар, чтоб этот праведник Мэй не пронюхал. Завёл бы аккаунт, поносил бы этих богатеев... Глядишь, и единомышленников бы нашел.

— Так заведи микроблог в Weibo! Как создашь — маякни, подпишусь на тебя.

Гу Цин удовлетворенно прикрыл глаза. Судя по реакции Яна Сюя, прежний владелец тела ничего подобного ему не рассказывал.

— Обязательно. Как только настрою — скину ссылку.

— Ладно. Может, пообедаем сегодня? Пересечемся.

— Не выйдет. Мэй Цзибай сказал, что приедет на обед.

— Понял, не буду мешать семейной идиллии. Тяжело с ним, наверное? Те, кто с ним работал, говорят — тот еще тип. На людях — рыцарь без страха и упрека, а что там за закрытыми дверями — черт его знает.

Уловив в голосе собеседника неприкрытую желчь, Гу Цин непроизвольно нахмурился.

— Нравится тебе это или нет, но таких людей в мире единицы. Не думаю, что его характер — это маска. Я не просто так восхищался им столько лет. Хотя его пунктики — это, конечно, нечто.

— Ну, идеальных нет. Если будет совсем неважно — не терпи. Жизнь дана для удовольствий, зачем так мучиться?

— И то верно. В чем смысл жизни, если не в удовольствиях?

Он бросил еще пару дежурных фраз и отключился. Общаться с подобными «друзьями», которые только и ждут твоего прокола, больше не хотелось. Стоит потихоньку сводить это знакомство на нет.

Странно, но ему было неприятно слышать, как кто-то со стороны поливает Мэй Цзибая грязью. Хвалить его — пожалуйста, он действительно выдающийся человек. Но эти мелкие нападки за глаза...

Гу Цин уважал Мэй Цзибая как личность. И на этом всё. Никаких лишних чувств.

Позже он пообедал, не скупясь на похвалы кулинарному таланту Лю Синь. Он подмечал такие тонкости вкуса, что экономка не могла сдержать довольной улыбки. Кан Лиминь оставался воплощением спокойствия, а Мао Ии заряжала всех своим оптимизмом. Жизнь в этом доме, вопреки ожиданиям, обретала свои приятные стороны.

<http://bllate.org/book/17544/1709229>